

Три ночи
Алой луны

Дана Рэйн

18+

Дана Рэйн

Три ночи алой луны

«Автор»

2026

Рэйн Д.

Три ночи алой луны / Д. Рэйн — «Автор», 2026

После смерти отца Адэль Моро остаётся в доме, который когда-то должен был принадлежать ей. Мачеха и сводные сёстры не кричат и не бьют — они просто каждый день напоминают, что сирота живёт здесь по чужой милости. Однажды вечером Адэль отправляют в Чёрный лес за хворостом. У старого источника она получает от загадочной фейри алую накидку — дар, который должен привести её к любви. Но дорога ведёт не к нежной сказке, а в замок Вольфенштайн, к принцу Габриэлю: опасно красивому наследнику с золотыми искрами в глазах и проклятием, которое просыпается в полнолуние. Одиннадцать лет назад Габриэль совершил страшную ошибку и заплатил за неё звериной сущностью. Снять проклятие могут только три ночи полной луны — три ночи рядом с человеком, который боится собственного желания сильнее чужой ненависти. Адэль должна решить, готова ли она войти в эту тьму по своей воле. А Габриэль — сумеет ли он желать её и всё же остаться человеком.

© Рэйн Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пепел	5
Глава 2. Лесной источник	6
Глава 3. Голоса под крышей	8
Глава 4. Алое платье	9
Глава 5. Бал в Вольфенштайне	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Дана Рэйн

Три ночи алой луны

Глава 1. Пепел

Адэль стояла на коленях перед широким камином большого зала и собирала в деревянный совок холодный пепел после ночного огня. Серый налёт оседал на рукавах, цеплялся за подол старого платья и оставался в трещинках ладоней, как знак той жизни, к которой её хотели приучить. Рядом, в золочёной раме высокого зеркала, отражалась девушка с растрёпанными тёмными прядями у висков, бледным лицом и руками, испачканными сажей.

Когда-то отец водил её по этим комнатам за руку и говорил, что дом должен помнить не роскошь, а смех. После его смерти здесь стало тихо. Не пусто — нет, мачеха умела заполнять комнаты гостями, цветами, шелестом новых платьев и разговорами о выгодных знакомствах. Но для Адэль места в этом шуме не осталось.

Мачеха появилась в дверях без спешки. Тёмно-зелёное утреннее платье сидело на ней безупречно, кружево у воротника лежало ровно, словно его только что расправила камеристка. Она остановилась рядом и посмотрела вниз с мягкой, почти ласковой улыбкой.

— Как прилежно ты трудишься, моя милая Адэль, — сказала она. — Право, иногда мне кажется, что в этом доме никто не понимает цену порядку так хорошо, как ты.

Адэль не подняла головы. Она давно научилась различать за учтивыми словами то, что мачеха не произносила вслух: ты здесь служанка, даже если носишь фамилию своего отца.

Из коридора донёсся смех. Луиза и Маргарита спустились по лестнице, затянутые в светлые утренние платья, окутанные пудрой, розовой водой и утренней самоуверенностью. Старшая, Луиза, остановилась у камина и приподняла бровь.

— Мама, посмотрите, как она похожа на героиню старой сказки, — протянула она. — Только фея-крёстная, кажется, забыла дорогу в наш дом.

Маргарита прикрыла рот ладонью и прыснула. Ей нравилось повторять за сестрой, даже когда она не успевала понять, над чем именно смеётся.

— Не насмехайтесь, девочки, — ровно сказала мачеха. — У каждого в жизни своё место. Ваша сестра просто лучше многих знает своё.

Адэль медленно выпрямилась и стряхнула пепел с передника. Спина ныла после долгой работы, но лицо оставалось спокойным. За последние годы спокойствие стало её единственной защитой, почти такой же привычной, как старый передник и сажа под ногтями.

— После обеда вымоешь полы в большом зале, — продолжила мачеха. — Потом лестницу. Вечером придут люди из замка Вольфенштайн, и я не желаю краснеть из-за пыли. А когда закончишь — возьмишь корзину и сходишь в лес за хворостом. Ночи снова холодные.

— Да, матушка.

— Вот и славно.

Мачеха ушла, дочери последовали за ней, оставив после себя лёгкий шлейф духов. Адэль снова опустилась на колени. В камине оставалось ещё немного пепла, и она собрала его до последней горсти.

К вечеру дом был вымыт так чисто, что в натёртых ступенях отражались окна. Адэль едва держалась на ногах, но взяла плетёную корзину и вышла через заднюю дверь. За каменной оградой начиналась дорога к Чёрному лесу. Небо уже темнело, и над верхушками деревьев проступала бледная, почти круглая луна.

Глава 2. Лесной источник

Тропа вела вниз, к старому источнику. Адэль знала каждый камень, каждый выступающий корень, но вечером лес становился другим: тени ложились гуще, мокрый мох темнел на стволах, птицы стихали раньше обычного. Она собирала сухие ветки, пока корзина не потяжелела, потом села на плоский камень у воды и позволила себе закрыть глаза.

Источник стекал с валунов тонкой струёй. Вода собиралась в тёмной чаше между камнями, и от неё поднимался холодок. Адэль хотела только перевести дыхание. Несколько мгновений — и домой. Но усталость забрала своё.

Во сне к ней вышел мужчина.

Он стоял на другой стороне источника: высокий, в тёмном, с лицом, наполовину скрытым тенью. Лунный свет касался его волос, в глазах горел глубокий золотой свет. Адэль не видела его раньше и всё же узнала — не умом, а чем-то более древним, спрятанным глубже слов.

Он протянул руку. Не приказал, не позвал, просто ждал.

Адэль сделала шаг по мокрому камню. Ей следовало испугаться, но страх был не чистым: в нём проступало запретное ожидание. Мужчина коснулся её плеча, потом провёл пальцами ниже, по краю рукава, и это короткое движение оказалось неприлично близким — не потому, что нарушало что-то внешнее, а потому, что отвечало тому, что она сама не решалась назвать. В его лице на миг проступило звериное: опасное, сдерживаемое, слишком сильное для человеческой оболочки.

— Ты пришла, — сказал он.

Голос был хриплым, как после долгого молчания.

— Я не знаю вас.

— Знаешь.

Он наклонился. Между ними осталось так мало воздуха, что она услышала собственное дыхание и поняла: ещё мгновение — и сон потребует ответа не словами. Его губы почти коснулись её виска. Адэль проснулась раньше, чем успела отступить — или приблизиться.

Она сидела у источника, вцепившись пальцами в край камня. Сердце билось быстро, щёки горели. Корзина стояла рядом, сумерки стали плотнее. На коже не было следов чужого прикосновения, но в теле осталась память: жар под ключицами, слабость в коленях, стыд и странная, обжигающая ясность. Ей хотелось убедить себя, что это был только сон, но пальцы сами легли к тому месту на плече, где он коснулся её первым.

Адэль поднялась слишком резко и пошатнулась. В этот миг из-за деревьев вышла женщина.

Сначала Адэль приняла её за придворную даму, заблудившуюся в лесу: платье из светлой ткани, волосы под тонкой вуалью, спокойная осанка. Потом увидела, что подол её платья не цепляется за мокрую траву, а бледный свет вокруг лица не похож на отражение луны.

— Не бойся, — сказала женщина. — Я не причиню тебе вреда.

Адэль отступила на шаг.

— Кто вы?

— Та, кто однажды обещала твоей матери присмотреть за тобой, если дом перестанет быть для тебя домом.

Слова ударили точнее, чем крик. Адэль замерла.

Женщина раскрыла руки. На её ладонях лежала алая накидка — тяжёлый бархат с тонким золотым шитьём по краю. Цвет был глубоким, почти винным, и в сумерках ткань казалась теплее воздуха.

— Возьми, дитя.

— Зачем?

— Она приведёт тебя туда, где ты должна оказаться. Но помни: накидка не заставит тебя сделать выбор. Она только откроет дорогу.

Адэль не сразу протянула руки. Бархат оказался мягким и неожиданно тяжёлым, как вещь, предназначенная не для украшения, а для обещания.

— К кому она меня приведёт?

Женщина посмотрела в сторону леса. На миг её лицо стало старше, строже.

— К человеку, который много лет платит за свой грех. И к зверю, который перестанет быть проклятием только в том случае, если его не примут за чудовище.

— Я не понимаю.

— Поймёшь при полной луне.

Женщина шагнула назад, в тень между деревьями, и через мгновение Адэль уже не видела её. Остались источник, корзина с хворостом и алая накидка в руках.

Домой Адэль возвращалась быстро. Ветки кололи ладони, бархат был спрятан на дне корзины. За спиной потрескивали сучья, где-то далеко ухнула сова. У самой ограды она обернулась. Между деревьями ничего не двигалось, но ей почудился золотой отблеск — короткий, как взгляд.

Глава 3. Голоса под крышей

Адэль поднялась в свою каморку под крышей, когда внизу уже зажгли лампы. Комната была тесной: узкая постель, старый сундук, кувшин с водой, маленькое окно под скатом. Зимой здесь промерзали стены, летом было душно, но теперь это место показалось ей единственным безопасным углом во всём доме.

Она закрыла дверь, опустилась на колени перед сундуком и достала накидку. В тусклом свете бархат казался почти чёрным, только на сгибах вспыхивало алое. Адэль провела пальцами по шитью. В узоре переплетались листья, тонкие серпы луны и крошечные волчьи головы, такие искусные, что их можно было заметить не сразу.

Она спрятала накидку под материнские ленты и старое платье, которое не надевала много лет. Затем легла, не раздеваясь. Сон не шёл.

Поздно ночью под её каморкой закрипели половицы. В комнате Луизы и Маргариты ещё не спали. Сквозь щели в полу поднимались приглушённые голоса.

— Ты слышала, что говорят в замке? — шептала Луиза. — Завтра будет бал не просто ради гостей. Князь хочет наконец женить Габриэля.

— На ком? — спросила Маргарита.

— На той, кто не побоится смотреть ему в глаза.

— Ты опять про сказки?

— Не сказки. Служанки в Вольфенштайне говорят, что принц проклят.

Адэль задержала дыхание.

Луиза явно наслаждалась вниманием сестры.

— Одиннадцать лет назад юный Габриэль забрёл в Чёрный лес и встретил там красавицу. Рыжие волосы, белая кожа, голос такой, что мужчина забывает молитвы. Она заманила его на старую поляну, а потом оказалась ведьмой. Он понял это слишком поздно. В ярости убил её, а она перед смертью прокляла его. С тех пор в полнолуние он становится зверем.

Маргарита ахнула.

— Настоящим?

— С золотыми глазами. С когтями. Говорят, только девушка, которая проведёт рядом с ним три ночи полной луны и ни разу не отвернётся, сможет снять проклятие. Но кто согласится? Он же может разорвать её.

— Не говори так.

— А если это всё выдумки? — Луиза тихо рассмеялась. — Тогда он просто красивый принц с дурной славой. Мама не простит нам, если мы упустим такой шанс.

— Мама хочет, чтобы он посмотрел на тебя?

— На меня или на тебя. Главное, чтобы не на какую-нибудь безродную дурочку.

Внизу стало тихо. Потом зашелестели одеяла, и голоса пропали.

Адэль лежала, глядя в темноту. Габриэль. Принц с золотыми глазами. Человек из сна. Она не могла знать наверняка, но внутри уже складывались детали: полная луна, Чёрный лес, алая накидка, слова незнакомой женщины.

В сундуке под старыми лентами лежал бархат. Адэль слышала, как где-то внизу пробили часы. Утро было ещё далеко.

Глава 4. Алое платье

На следующий вечер дом наполнился суетой. Луиза требовала новые перчатки, Маргарита плакала из-за жемчужной заколки, мачеха лично проверяла причёски дочерей и то, как ложится кружево на их рукавах. В большом зале пахло горячим воском и пудрой.

Адэль стояла у двери с корзиной чистого белья. Она должна была оставаться незаметной, но сегодня ей было трудно опустить глаза.

— Ты смотришь так, будто тоже собралась на бал, — заметила Луиза.

— Я просто принесла бельё.

— Разумеется, — мачеха поправила дочери локон и повернулась к Адэль. — Твоё место сегодня здесь. потушишь огни, проверишь кухню и не вздумай открывать дверь посторонним. Мы вернёмся поздно.

— Да, матушка.

Карета отъехала после заката. Адэль дождалась, пока перестук колёс исчезнет за поворотом, потом поднялась к себе. Руки не дрожали, хотя сердце билось сильно.

Она открыла сундук. Сначала достала накидку, затем старое платье матери. Когда-то оно казалось ей слишком взрослым, слишком торжественным, почти чужим. Теперь алый шёлк лёг на постель тяжёлыми складками, и Адэль вдруг вспомнила мать в день праздника: смех, тёплые ладони, золотую вышивку у запястья.

Платье подошло почти идеально. Где-то ткань стала мягче от времени, где-то требовалось затянуть шнуровку плотнее, но в маленьком тусклом зеркале Адэль увидела не замарашку у камина. На неё смотрела молодая женщина с прямой спиной, бледным лицом и внимательными тёмными глазами.

Она накинула сверху алый бархат. Капюшон скрыл волосы, золотой край лёг вдоль плеч. В груди стало тесно от страха и решимости.

Адэль вышла через заднюю дверь и пошла к дороге. До замка Вольфенштайн было не меньше часа пешком, если не сворачивать. Луна поднялась над лесом, камни на дороге светлели под ногами, в низинах стоял туман. Несколько раз Адэль хотела повернуть назад. Она представляла свою каморку, холодное одеяло, завтрашние насмешки и полы, которые снова придётся мыть. Потом вспоминала золотые глаза у источника.

Замок появился за деревьями неожиданно: тёмные башни, высокие окна, свет в залах. У ворот стояли лакеи, к парадному входу подъезжали кареты. Адэль остановилась у края дороги, поправила капюшон и уже собиралась пробраться через боковой двор, как один из стражников увидел её.

— Ваше приглашение, барышня?

Она растерялась. Сказать было нечего.

Стражник шагнул ближе, но в этот миг ветер поднял край накидки, и золотое шитьё блеснуло в лунном свете. Мужчина побледнел.

— Проходите, — сказал он уже другим голосом. — Вас... ждут.

Адэль вошла в замок через парадные двери, не успев спросить, кто именно её ждёт.

Глава 5. Бал в Вольфенштайне

В главном зале замка было так светло, что после ночной дороги Адэль на мгновение зажмурилась. Над головами горели хрустальные люстры, на галерее играли скрипки, дамы в шёлке и парче плавно проходили между колоннами, и белый камень пола принимал в себя отблески свечей, золота и зеркал. Всё здесь казалось устроенным для людей, которые с детства знали, куда поставить руку, как склонить голову и каким тоном произнести пустую любезность.

Адэль знала только одно: если она сейчас остановится у дверей и опустит глаза, её вытолкнут из этого блеска прежде, чем она успеет сделать второй шаг.

Поэтому она пошла вперёд.

Шёпот возник почти сразу. Веера приподнимались к губам, мужские головы оборачивались одна за другой, кто-то спрашивал, из какого она дома, а кто-то, старше и внимательнее, находил в её лице черты покойного Морб, бывшего сокольничего князя. Алый бархат на её плечах казался слишком смелым среди жемчужных, голубых и золотистых платьев. Он не просил прощения за своё появление — и вместе с ним не просила прощения она.

Мачеха увидела её первой. Лицо госпожи де Вилье осталось почти спокойным, только пальцы так сжали веер, что тонкая кость жалобно хрустнула.

— Что ты себе позволила? — прошептала она, подойдя вплотную. — Немедленно уходи.

— Я не могу.

— Можешь. И сделаешь это сейчас же.

Луиза и Маргарита стояли за её плечом. В глазах старшей горела обида, почти похожая на ненависть; младшая смотрела на платье Адэль так, будто старый материнский шёлк был украденным драгоценным камнем.

— Это платье моей матери, — тихо сказала Адэль.

— Твоя мать умерла, — ответила мачеха. — А живые, дитя моё, должны знать своё место.

Она взяла Адэль за локоть. Пальцы были холодными, хватка — безупречно вежливой и безжалостной.

В этот момент за спиной прозвучал мужской голос:

— Отпустите её.

Мачеха обернулась. Разговоры вокруг стихли не сразу, а волной, от ближайших гостей к дальним. Принц Габриэль стоял в нескольких шагах от них. Чёрный камзол подчёркивал бледность лица, серебряная застёжка у горла поблёскивала при каждом движении, светлые волосы были убраны назад слишком строго для человека его возраста. Он был красив не придворной мягкой красотой, а той, перед которой благоразумные люди невольно делали шаг назад: неподвижный взгляд, сдержанная сила в плечах, тень усталости у рта.

Адэль узнала его прежде, чем разум успел назвать имя.

То был человек из сна.

Габриэль посмотрел на руку мачехи, сжимавшую её локоть. Госпожа де Вилье нехотя отпустила.

— ваше высочество, — сказала она, присев в реверансе. — Простите недоразумение. Девушка из моего дома забылась.

— Нет, — сказал Габриэль. — Забылась не она.

В зале стало так тихо, что Адэль услышала, как Луиза резко втянула воздух.

Принц протянул ей руку.

— Потанцуете со мной, мадемуазель?

Она вложила пальцы в его ладонь. Прикосновение оказалось тёплым и крепким, но в этой крепости не было насилия. Он мог бы удержать её одним движением; вместо этого оставил ей возможность отнять руку. От этого выбора у Адэль дрогнуло сердце.

Музыка возобновилась. Габриэль повёл её в центр зала, и пары расступились. Первые шаги дались ей трудно: она боялась наступить на подол, сбиться с ритма, услышать за спиной смешок. Но его ладонь легла на её спину точно и спокойно, и вальс постепенно перестал быть испытанием. Движение подхватило их. Свет скользил по лицам гостей, алый бархат разворачивался за её плечами, а каждый поворот приближал её к нему ровно настолько, чтобы она снова и снова вспоминала: между ними всего несколько слоёв ткани и слишком мало благородия.

— Вы пришли в накидке, — сказал он тихо.

— Мне её дали.

— Кто?

— Женщина у лесного источника. Она сказала, что накидка приведёт меня туда, где я должна оказаться.

Габриэль сбился на полшага и тут же восстановил ритм. На миг в его глазах мелькнуло золото.

— Тогда вам нужно уйти до полуночи.

— Почему?

— Потому что она не сказала вам всей правды.

Танец закончился. Гости зааплодировали с той осторожной вежливостью, с какой хлопают не танцу, а событию, чьего смысла ещё не понимают. Габриэль не отпустил её руки.

— Пойдёмте.

Он вывел её на каменный балкон. За перилами темнел Чёрный лес, над башнями стояла почти полная луна, белая и холодная. Шум зала остался за стеклянными дверями, но музыка всё ещё доходила сюда приглушённо, словно чужая жизнь продолжала кружиться без них.

Габриэль не сразу позволил себе прикоснуться к ней. Он стоял совсем близко, так близко, что Адэль слышала, как неровно поднимается его грудь под чёрным камзолом. Между ними оставалась алая накидка, смятая у её талии его пальцами. Он держал ткань крепко, почти судорожно, но саму Адэль не трогал, будто это последнее расстояние ещё могло спасти их обоих.

— Вы боитесь меня? — спросила она.

Он усмехнулся, но в усмешке не было веселья.

— Себя.

Его дыхание коснулось её виска, щеки, уголка губ. Адэль замерла, чувствуя, как тело отзывается раньше мысли: пальцы сжались в складках платья, плечи дрогнули, дыхание стало тише. Она не отступила.

Габриэль провёл костяшками пальцев по её шее — медленно, почти невесомо, — затем ниже, к ключице, туда, где кожа оставалась открытой над краем платья. От этого движения Адэль закрыла глаза.

— Нет, — сказал он глухо. — Смотрите.

Она открыла глаза и увидела их отражение в тёмном стекле балконной двери: себя в алом, с распущенной у виска прядью и слишком ярким румянцем; его — за её плечом, бледного, напряжённого, с золотым блеском во взгляде. В отражении он казался ещё опаснее. Не принцем из бального зала, а тем самым зверем, о котором шептались за закрытыми дверями.

Его ладонь легла ей на талию.

Адэль выдохнула.

Габриэль почувствовал это и притянул её ближе — не резко, но властно, так что у неё подкосились колени. Его рука тут же удержала её, а губы коснулись плеча, где платье чуть сползло под тяжестью накидки.

Первый поцелуй был почти благоговейным.

Второй — уже нет.

Адэль вцепилась пальцами в его рукав. Габриэль тихо выдохнул ей в кожу, и этот звук оказался неприличнее любого слова. В нём было одиннадцать лет молчания, луна за башнями, проклятие и желание, от которого он сам, казалось, приходил в ужас.

— Вы пахнете лесом, дождём и моей погибелью, — прошептал он.

— Тогда не дышите мной так жадно.

Он поднял взгляд.

— Не приказывайте мне невозможного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.